

Вл. ГИЛЯРОВСКИЙ

«В ТИШИ
УКРОМНОЙ
КАБИНЕТА...»

Эти куплеты под названием «Правда в скобках» были опубликованы в 1903 году на страницах киевского журнала «Смех».

Он в слове честен,
прям и смел,
С улыбкой ясной
полн привета,
И не свершает грязных дел...
(Боюсь судебного ответа).

Покойно целый век живет,
Его ничто не беспокоит,
Чужой он вещи не возьмет...
(Коль эта вещь гроша
не стоит!).

Он взятки грязные клянет,
Не загуляет у буфета,
А если что-нибудь возьмет...
(В тиши укромной кабинета).

Превосходно писал о кошках Карел Чапек — об их чувстве собственного достоинства, об их эlegantном эгоизме и об их отношении к человеку, совершенно особому, так непохожему на отношения человека и собаки.

Для собаки человек — Хозяин и Друг, кошка считает Хозяином себя, человек состоит при ней. Иногда с ним стоит дружить. Иногда — не нужно; и так перебьется!

Вот кошка, так написал Чапек, входит в комнату, где сидит человек — хозяин дома и что-то ест. Кошка видит это, и коротко и сильно вякает — именно «вякает», а не мяучит. В переводе с кошачьего языка на человеческий это вяканье означает:

— Что ты жрешь? Дай мне!

Я вспомнил чапековские рассказы, когда недавно побывал в Ленинграде и жил в квартире у своих родственников, где, кроме хозяина дома — научного работника, профессора, хозяйки — инженера и их взрослой дочери — юриста, обитали четыре кошки и старенькая, тяжело больная собачка, гладкошерстный терьер Майка: она доживала свои последние дни.

Хозяйка дома давно у нас из-

Леонид ЛЕНЧ

ЧЕТЫРЕ
КОШКИ,
НЕ СЧИТАЯ
СОБАКИ

чем зачинщицей драк была всегда она, Степанида.

Мурка — белая, с черными пятнами, очаровательная молодая кошечка, поразила меня своими громадными глазами — я не встречал раньше таких глазастых кошек. С Контрабасом она ладила, и они играли в прятки и догонялки. Интересно, что это были абсолютно безмолвные игры. Контрабас вообще отличался молчаливостью, вы могли взять его на руки и делать с ним все, что угодно, он молчал, все это позволяя. Лишь один раз он напомнил нам, что все же он кот, да еще с таким звучным именем. Таня держала его за передние лапы, и он висел у нее в руках, выставив напоказ беззащитное серое брюшко. Я хотел его погладить, но только прикоснулся к брюшку, как Контрабас мгновенно выпустил когти и царапнул меня и Таню, очень больно и глубоко. А Мурка ухитрилась выскочить во двор через окно первого этажа, где расположена квартира Тани. Окно забыли закрыть, и Мурка незаметно улизнула. А был уже поздний вечер, потемнело, где ее искать?!

Таня и ее муж проискали беглянку часа полтора и все же нашли. Она забралась в отдаленный угол двора и там наслаждалась общением с природой, — если только можно называть природой чахлую растительность ленинградского двора.

К Тане она не пошла, несмотря на все уговоры и призывы, а когда та наклонилась, чтобы взять ее на руки, отскочила в сторону. Таня тут упала и уже в падении успела схватить Мурку за хвост. В общем, Мурка была возвращена в дом и примирилась со своей участью.

Еще одно происшествие произошло в Ленинграде у Тани, пока я у нее жил: пришлось ей расстаться с лысым вороненком Каркушей. Администрация института дала понять, что лысый вороненок не имеет ни прямого, ни косвенного отношения к производственному профилю института. Таня упаковала его в корзинку, прикрыв пледом, и отвезла в Михайловский сад. Крыло у Каркуши зажило, и он уже мог взлетать, — дальнейшее зависело от летной практики.

Таня приехала в Михайловский сад и там выпустила Каркушу на свободу. Мне она сказала:

— Там, понимаешь, я видела много ворон, целую стаю. Каркуша, наверное, к ней присоединится. Я оставила его под сосной. По-моему, он был доволен.

На следующий день к вечеру она не выдержала и опять поехала в Михайловский сад.

Вернувшись домой, она сказала мне:

— Я его нигде обнаружить не смогла.

— Не волнуйся, — сказал я ей, — он, я уверен, уже обворочился и новый свой дом больше не проворонит!

Откровенно говоря, я скучаю в Москве по Таниным кошкам по драчунье Степаниде, по Марыське, по красотке Мурке и больше всего по Контрабасу — коту с кротким нравом и когтями, острыми, как хорошо отточенные сабельные клинки.

Хрестоматия СмЕхА

Смех бывает разный: веселый, злой, ироничный, громкий, тихий. Некоторые вообще часто смеются мысленно...

Но главное не то, как смеется человек, а то — что после этого остается у него в душе, голове и на сердце. А там должны оставаться «чувства добрые».

Сегодня нашу постоянную рубрику «Хрестоматия смеха» представляют: один из патриархов русской юмористики Н. А. Лейкин, король московских репортеров Вл. Гиляровский.

И чтобы не прерывалась связь времен, ныне здравствующий старейшина нашего сатирического цеха Л. С. Ленч выступает с юмористическим эссе, посвященным братьям нашим меньшим.

вестна как страстная почитательница кошек. Впрочем, не только кошек, но и других животных и птиц. В институте, где она работала (и работает), некоторое время жил, например, вороненок с лысой головой и поврежденным крылом — она подобрала его у себя во дворе.

Одну ее кошку звали Марыськой, другую — Муркой, третью — Степанидой, а четвертого кота, двухгодовалого, крупного, серого с черными полосами красавца, — Контрабасом, ласкательное — Басик.

Все дворовые кошки, не имевшие постоянного квартирного обиталища, знали и по-своему, по-кошачьему, любили Татьяну Дмитриевну — так зовут хозяйку дома, в котором я жил. Ну, еще бы: ведь она ежедневно готовила для них рис с мелкой рыбешкой — невообразимо паскудное по внешнему виду и запаху варево на наш человеческий взгляд, но, видимо, деликатес с точки зрения и обоняния кошек.

Как только Татьяна Дмитриевна — Таня, Тата — выходила на двор, кошки возникали немедленно, тут же, как из-под земли, и жалась к ее ногам. При этом они вякали, урчали, мяукали, не то выражая Тане свою симпатию и преданность, не то требуя скорейшего появления миски с их пахучим деликатесом. Главенствовала здесь Багира, черная кошка с ярко-зелеными глазами и крохотным пучком белых волосиков на грудке — очень строгое и неприступное внешне, но, по моим наблюдениям, доброе и ласковое создание. Степанида же при том, по обладала внешностью кошки-драчуньи, была высокомерной и строптивой драчуньей. Она признавала только Марыську с которой и проживала в одной из трех комнат квартиры, с Муркой и Контрабасом она дралась при-